

Иньжэн и Хунши — эта пара «любящих» братьев — провели бок о бок уже полгода. За это время Иньжэн вынужден был признать: женщины в императорском гареме воистину ужасали. Все эти тридцать шесть страгем и «Искусство войны» Сунь-цзы они применяли с таким коварным изяществом, что оставалось лишь диву даваться.

Глядя на собственную матушку, императрицу Нала, Иньжэн лишь вздыхал. Знатные маньчжурские и монгольские аристократки были слишком уж изнежены в родительских домах. Стоило им снискать крупную монаршую милость, как они тут же забывали о приличиях и своём положении. Да, государь порой от скуки закрывал глаза на мелкие бабьи ухищрения, но он никогда не прощал того, что задевало его собственное величие. Нала взошла на престол императрицы по чистой случайности. Прямодушная, вспыльчивая — ею было на редкость легко управлять. Должно быть, именно поэтому дворцовые хищницы ограничивались тем, что раз за разом подтачивали её авторитет, лишая уважения, но позволяли сохранять за собой этот высокий титул.

Ни Иньжэн, ни Хунши так и не смогли переступить через себя, чтобы разыгрывать комедию перед Хунли. Пресмыкаться и бороться за отцовское расположение они не желали, да и не умели. К тому же положение законных сыновей императрицы и без того навлекало на них немало зависти. Обрети они ещё и личную любовь государя, лавина интриг попросту раздавила бы их неокрепшие детские тела. Утешая себя подобными доводами, братья вели на редкость тихую, уединённую жизнь.

В этом земном воплощении Иньжэн твёрдо решил стать невидимкой. В положенные часы он послушно отправлялся на поклон в Дворец Милосердия и Покоя или Дворец Икунь, а всё остальное время безвылазно сидел в своих покоях. Из потайного ящика он доставал «Исторические записки» Сыма Цяня и другие трактаты, явно не подходившие ему по возрасту, читал и предавался меланхолии, когда память воскрешала призраков прошлого. Но стоило матушке родить ещё одного «лжедитя», как у Иньжэна появилось новое развлечение. Теперь его любимой забавой стало проводить время во Дворце Икунь, изводя Хунши.

Четыре месяца назад благородная супруга Цзя скончалась, так и не дожив до торжественной церемонии возведения в сан Императорской благородной супруги. Врачи туманно толковали о «застое жизненных сил от глубокой печали», однако в гареме все прекрасно понимали истинную причину её ухода. Обитательницы дворцов тайне злорадствовали: императрица Нала нажила себе смертельных врагов в лице сразу трёх принцев, оставшихся без матери.

Впрочем, Иньжэну было глубоко безразлично холодное отчуждение братьев. Между сыновьями от разных матерей в императорском роду отродясь не бывало искренней привязанности. В прошлой жизни он и вовсе остался круглым сиротой при живом отце, лишь изредка с тоской глядя на чужую братскую дружбу. Теперь же у него был свой собственный, пусть и вынужденный «младший брат», так что в хрупких союзах с остальными он не нуждался. Да и кем были эти трое принцев? Старший уже покинул дворец и обзавёлся собственной усадьбой, довольствуясь лишь незначительными поручениями. Средний, отмеченный телесным недугом, искал утешения в праздности и разврате. Младший, хоть и пользовался благосклонностью отца, оставался лишь неразумным юнцом. Против них стоял Иньжэн — умудрённый опытом

старик, разменявший в прошлой жизни седьмой десяток и познавший все бездны человеческого коварства. Разве мог он проиграть им?

К тому же, даже если сердца принцев исходили желчью, выказать это открыто они не смели. Нала оставалась их законной матерью, и любое неповиновение сочли бы верхом сыновней непочтительности. А высочайшие указы раздавал лично Цяньлун — выразить недовольство ими означало пойти против воли Неба. Они проиграли, даже не успев обнажить клинки. Двор уже единодушно полагал, что осиротевшие принцы не питают к императрице ничего, кроме затаённой злобы. Но в том, чтобы заставить врагов раскрыть карты, крылась огромная выгода. Защита в таком случае выглядит естественной, ответный удар — вынужденной необходимостью, а императорский дом превыше всего ценил внешнее приличие. Иньжэну оставалось лишь прилежно носить маску невинного и недалёкого ребёнка, терпеливо дожидаясь, пока его собственные тайные силы окрепнут.

Иньжэн неторопливо отпил остывающий чай. Он холодно и хищно усмехнулся.

«Каждую обиду за эти дни я занёс в счётную книгу памяти. Возмездие не заставит себя ждать. Придёт час, и мы сочтёмся сполна — и тайным ядом, и явным ударом»

До тех пор, пока Поднебесная не пришла к Великому Единению, право сильного оставалось единственным непреложным законом жизни.

Тем временем во Дворце Продления Счастья наложница Линь-фэй уже донашивала девятый месяц. Роды были близки. Сочувствуя тяготам её бремени и невозможности возвысить её в ранге, Цяньлун повадился навещать её едва ли не каждый день. Линь-фэй же являла собой само воплощение кротости и нежности. С тихой, мечтательной улыбкой она шептала о том, как ждёт дитя, пробуждая в сердце государя волны бесконечной нежности и жалости.

Императрица Нала взирала на это пиршество притворства с ледяным спокойствием. Теперь её мысли занимало лишь одно — уберечь двоих своих сыновей.

Отложив свиток с «Алмазной сутрой», Нала оперлась на подставленную руку служанки Бихэ. Взяв из рук матушки Жун три палочки благовоний, императрица зажгла их, опустила в курильницу и, отступив на шаг, трижды благоговейно склонилась перед изваянием Будды. Опираясь на плечо Бихэ, она покинула душный полумрак молельни.

Служанок Бияо, Бихэ, Цзыюй и Цзылань прислали из родного дома Нала. Бияо и Цзылань ухаживали за маленьким Хунши. Поначалу императрица хотела отправить Бихэ и Цзыюй к старшему сыну, но Иньжэн наотрез отказался от Бихэ, забрав лишь искусную в стряпне Цзылань. Нала уже давно не таилась от старшего сына, замечая в его суждениях недетскую мудрость. Она помнила, как этот крошечный мальчик сладко улыбнулся ей и сказал:

— Матушка, сын ваш подрос и понимает, что негоже забирать лучшее у других. В Обители принцев дворик тесный, слуг немного, и Линь Яо вполне справляется. В крайнем случае присмотрит матушка Ли. А Цзылань будет следить за моей едой, чтобы на кухне не случилось

беды. У вас же во дворце всегда много забот, пусть Бихэ останется подле вас.

Вспоминая серьёзное личико сына, рассуждавшего точно взрослый муж, Нала чувствовала, как её сердце наполняется теплом.

Забота сына унимала душевную боль, однако стоило Нале вспомнить, что государь изо дня в день проводит время во Дворце Продления Счастья, как сердце её вновь заливала жгучая ревность. Она наивно полагала, что смогла усмирить гордыню и отпустить прошлое, но при виде безумной нежности мужа к сопернице старые обиды вспыхивали с новой силой. Будь иначе, разве лишалась бы она дара речи и воли к притворству при каждой встрече с императором?

«Тщетные надежды, слепая привязанность... Всё это превращается в яд, отравляющий душу»

В глупой попытке отстоять свою гордость она едва не растеряла себя, позабыв о долге. В конце этого пути её ждало лишь уродливое перерождение, когда, оглянувшись назад, уже невозможно отыскать дорогу домой.

Сверившись со временем, императрица рассудила, что Иньжэн сейчас наверняка возится в покоях младшего брата, и велела Бихэ проводить её туда.

Маленькому Хунши едва исполнилось семь месяцев, но он уже на редкость резво ползал. Иньжэн превратил визиты к нему в ежедневный ритуал: он без устали донимал несчастного младенца. Хунши же, лишённый прежней силы, то и дело кривился от бессильной обиды, будучи совершенно не в состоянии дать сдачи своему мучителю.

Крошечный младенец изо всех сил улепetyвал на четвереньках, а за ним с невинной улыбкой на устах трусил трёхлетний ребёнок. Слуги во Дворце Икунь давно привыкли к этому зрелищу. И хотя со стороны эта забава казалась трогательной и умилительной, сам тринадцатый принц сгорал от стыда. Стоило кому-то из челяди выказать лишнее любопытство, как двенадцатый принц, оберегавший покой брата пуще собственной жизни, одарял любопытных улыбкой, от которой у слуг кровь стыла в жилах.

Вдоволь набегавшись и наплававшись в поту, оба предводителя этой шуточной войны оказывались в крепких руках кормилиц. Мальчишек уносили в купальню, насухо вытирали и укладывали на мягкое ложе, где они вскоре снова увлечённо барахтались в одной куче. Прислуга не переставала умиляться их нежной братской привязанности. И лишь сам Хунши знал, сколь скверным характером обладал его старший братец. У тринадцатого принца попросту не оставалось времени сокрушаться о тяготах младенчества — все его силы уходили на то, чтобы увернуться от загибающих рученок Иньжэна, порывавшегося тискать его, словно кусок сдобного теста. Ирония судьбы заключалась в том, что благодаря этим бесконечным побегам Хунши научился ползать едва ли не раньше всех сверстников, заслужив при дворе славу на редкость смышлёного и крепкого здоровьем дитя.

«Неужели в этой жизни мне суждено прослыть неотесанным силачом, у которого ума — с

воробьиный нос?»

Когда же младенец метал яростные взгляды на виновника своих бед, Иньжэн лишь безмятежно хлопал ресницами, пряча в глазах хитрые бесовские искорки, отчего Хунши едва не задышался от бессильной злобы.

Едва Нала приблизилась к покоям младшего сына, до неё донёлся весёлый детский смех. Жестом велев застывшим у входа слугам не поднимать шума, она замерла на пороге. Вид сыновей, крепко обнимавших друг друга, заставил её мягко и чарующе улыбнуться, преобразив всё её лицо.

Хунши увернулся от очередной деревянной побрякушки, которую совал ему старший брат, и наткнулся взглядом на застывшую в дверях мать. На мгновение он замер. С самого своего перерождения он твердил себе, что начнёт жизнь с чистого листа, но память упрямо сопоставляла императрицу Нала с его прежней матушкой, покойной госпожой Ли-ши. От этого в их общении нет-нет да и проскальзывала едва уловимая натянутость. Однако в этот миг Хунши улыбнулся и потянулся к вошедшей крошечными ручонками, безмолвно просясь в объятия. В конце концов, Нала была матерью Юнцзина. А Юнцзином теперь был он сам.

Проследив за взглядом брата, Иньжэн заметил сияющее лицо матери. Он торопливо отложил игрушку и попытался слезть с широкого ложа, дабы совершить положенный поклон, но Нала опередила его. Сделав быстрый шаг вперёд, она ласково прижала его к себе.

Присев на край ложа, императрица обняла сперва старшего, а затем притянула к себе и младшего сына.

— Наш Юнцзи снова дразнит младшего брата?

Иньжэн склонил голову набок, разглядывая умиротворённое лицо матери.

— Братец просто прелесть!

Он безжалостно ткнул пальцем в пухлую младенческую щёку. Терпению Хунши пришёл конец: он изловчился, поймал обидчика за палец обеими руками и затащил его прямо в рот. Зубами его — клац!

«Ах ты паршивец! Стоило переродиться в младенческом теле, как и повадки стали детскими? Вздумал зубы об меня точить? Да у тебя первая половинка резца едва прорезалась!»

— Матушка, Юнцзи так сильно любит своего брата! Позвольте мне пожить эти несколько дней здесь, подле него. Я обещаю беречь его и никому не давать в обиду.

Эти слова, произнесённые наполовину ласковым лепетом, наполовину серьёзным тоном,

заставили стоявших поодаль служанок внутренне содрогнуться. «О Небо, если эти двое окажутся заперты в одной комнате круглые сутки, они же разнесут весь Дворец Икунь по кирпичику! Ваше Величество, умоляем, не соглашайтесь!»

Иньжэн весело оглядел бледнеющих слуг, втайне чрезвычайно довольный тем, какой страх на них нагоняет.

«Только не это! Пощадите, я не желаю оставаться наедине с этим дьяволом во плоти! Я ведь только что укусил его... Стоит матушке перешагнуть порог, и он мне этого не простит. С него станет, он злопамятен как старый евнух!»

Нала ласково погладила взволнованного Хунши по плечу и легонько щелкнула Иньжэна по лбу.

— Знаю я, как вы друг к другу привязаны. Юнцзи, ты старший, на тебе лежит долг оберегать его. — Она перевела исполненный безграничной нежности взор на Хунши и коснулась его мягких волосиков. — А когда наш Юнцзин подрастёт, он должен во всём слушаться старшего брата. И тоже защищать его, если придётся.

Младенец, чья речь ограничивалась нечленораздельным гулением, был обречён страдать в безмолвии.

Разумеется, Иньжэн лишь поддразнивал младшего брата. Нынешняя жизнь принца была бесконечно далека от праздного покоя. Скрывать свои истинные таланты от взора хозяина Поднебесной — задача, которую куда легче изложить на словах, нежели исполнить на деле. И пускай Цяньлун по какой-то неведомой причине оставил знаменитую шпионскую «Службу прилипающих шестов» без дела, Иньжэн ни на грош не верил, будто его покойный четвёртый брат, император Юнчжэн, ушёл в мир иной, не оставив преемнику тайных напутствий. С его болезненным стремлением контролировать всё и вся, Юнчжэн ни за что не доверил бы бразды правления сыну, не подстраховавшись. И всё же то, что Цяньлун пока не прибегал к услугам соглядатаев, существенно облегчало Иньжэну его тайную игру.

Повелитель великой империи, восседающий на вершине власти, неизбежно окружён плотным кольцом преданных теней. Иньжэну приходилось выверять каждый свой шаг, страшась совершить малейшую оплошность. Лишь после полутора лет кропотливых усилий ему удалось собрать вокруг себя верных людей. Получив тайную поддержку клана Уланара, он вздохнул свободнее — плести заговоры в стенах Запретного города стало куда легче. И пусть покойная супруга Юнчжэна принадлежала к иной, отдалённой ветви этого славного рода, кровные узы не были пустым звуком. Тщательно просеяв старые связи, Иньжэн обнаружил немало преданных людей, готовых служить новой главе семьи.

Подле Зала Вращения Сердца и Дворца Милосердия и Покоя он выставил лишь неприметных часовых, дабы вовремя улавливать перемену ветра. Во Дворец Продления Счастья ему удалось пристроить двух простых служанок для черной работы. Основные же нити паутины Иньжэн опутал вокруг Обители принцев. Пускай прошлая его жизнь угасла в золотой

клетке Запретного города, тайны женских покоев по-прежнему давались ему с трудом. К тому же в этот раз он не собирался коротать свои дни в каменных стенах столицы. Позже заботу о гаремных дрязгах надлежало полностью переложить на плечи матушки Нала, сам же он устремил взор за пределы дворца. Иньжэн не стал искать тех людей, которых когда-то передал под начало Хунси. Вместо этого он пробудил ото сна преданных мертвецов — тайных воинов, которых перед кончиной завещал ему верный Гээрфэн. Опираясь на эту горстку молчаливых теней, он исподволь закладывал фундамент будущего могущества, намереваясь проникнуть во дворец лишь тогда, когда обретёт твердую почву под ногами вне его стен.

Гээрфэн приходился старшим сыном Сонготу, двоюродному деду Иньжэна. В былые годы наследник престола души не чаял в этом прямодушном и отважном юноше. Он до сих пор помнил его заветную мечту — стать великим полководцем, верой и правдой служить государству и умирять мятежные окраины. Но этой мечте не суждено было сбыться: Гээрфэн разделил падение своего господина и поплатился головой. Собственное низложение Иньжэн когда-то принял едва ли не с облегчением — его сердце умерло задолго до того, как его лишили титула, и он просто безвольно плыл по течению. Проведя долгие годы в липком страхе и беспамятстве, он никогда не задумывался о судьбах тех, кто шёл за ним до конца. Теперь, всматриваясь в дымку ушедших лет, он с трудом мог различить лица соратников. В его памяти отчётливо сохранились образы едва ли десятка преданных душ. Какая горькая ирония — он действительно оказался истинным сыном своего безжалостного рода!

Когда его впервые лишили титула наследника по надуманному обвинению, и вельможи наперебой принялись выдвигать новых преемников, никто даже не вспомнил его имени. В те чёрные дни Иньжэн всерьёз задавался вопросом: заслуживает ли он вообще преданности? Даже когда его вернули на престол, он пребывал в глубоком унынии и растерянности. И именно тогда ему тайно передали последнее послание от Гээрфэня. Отыскав среди забытых вещей старинную нефритовую подвеску, Иньжэн, повинаясь указаниям из записки, отправился в уединённое поместье за пределами столицы. Сад встретил его увядающими лепестками персиковых деревьев, ковром устилавшими сырую землю. Там его ждали пятьдесят безмолвных воинов — все они принадлежали к роду Хэшэли, но их имена были навек стёрты из клановых книг. В целом мире лишь он один знал об их существовании. В его мёртвой, казалось бы, груди тогда впервые затеплилась жизнь. Иньжэн помнил, как крепко сжал зубы и поднял лицо к небу, уверяя себя, будто глаза ему запорошил колючий пригородный песок.

Он задумчиво перевёл взгляд на раскинувшийся за окном сад. Ему никогда не сосчитать тех, чьи надежды он обманул в прошлой жизни.

«Но в этом рождении я выстою. Выживу во что бы то ни стало — ради вас и вашей нерастраченной верности»

Дверь с оглушительным треском распахнулась. Иньжэн недовольно нахмурился, оборачиваясь на шум. На пороге стоял запыхавшийся Ли Сян, прислуживавший Хунши. На лице слуги застыл неподдельный ужас.

— Двенадцатый принц! Наш господин... у него сильный жар!

Иньжэн резко вскочил. От внезапного порыва в глазах на мгновение потемнело, увлекая его в удушливую черноту.

<http://bllate.org/book/18338/1779554>